

**TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN
EMPIRE IN TURKESTAN
(SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES)**

Mirzaeva Nigina Olimovna

Tutor of the Samarkand State Institute of Foreign Languages

Summary

This article is devoted to the historiography of the policy of tsarism on the resettlement of peoples in Turkestan and its consequences. The article highlights the issues of political, economic, economic and spiritual-educational sphere of life of the population of Turkestan region. The findings of the author are illustrated in specific numbers and dates. The aggressive policy of tsarism is shown in all its manifestations.

Keywords: politics, independence, colonization, resettlement policy, ideology, population, metropolis, settlements, exploitation, strategy, goals, autocracy, indigenous peoples, colonial domination.

**К ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В ТУРКЕСТАНЕ**

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

Мирзаева Нигина Олимовна СамДЧТИ тьютори

Аннотация

Данная статья посвящена историографии политики царизма по переселению народов в Туркестан и его последствиям. В статье освещены вопросы политической, экономической, хозяйственной и духовно-просветительской сферы жизни народонаселения Туркестанского края. Выводы автора, проиллюстрированы в конкретных числах и датах. Захватническая внешнеполитическая стратегия царизма показана во всех её проявлениях.

Ключевые слова: политика, независимость, колонизация, переселенческой политика, идеология, население, метрополия, поселения, эксплуатация, стратегия, цели, самодержавия, коренные народы, колониальное господство.

**РОССИЯ ИМПЕРИЯСИНИНГ ТУРКИСТОНГА АҲОЛИНИ КЎЧИРИШ СИЁСАТИ
ТАРИХИШУНОСЛИГИГА ДОИР (XIX АСРНИНГ ИККИНЧИ ЯРМИ ВА XX
АСРНИНГ БОШЛАНИШИ)**

Мирзаева Нигина Олимовна СамДЧТИ тьютори

Резюме:

Ушбу мақола чор сиёсатининг Туркистонда халқларнинг жойлашиши ва унинг оқибатлари тарихшунослигига бағишланган. Мақолада Туркистон вилояти аҳолисининг сиёсий, иқтисодий, иқтисодий ва маънавий-маърифий соҳаларига оид масалалар ёритилган. Муаллифнинг изланишлари аниқ рақамлар ва саналарда кўрсатилган. Чоризмнинг агрессив сиёсати унинг барча кўринишларида намоён бўлади.

Калит сўзлар: сиёсат, мустақиллик, мустамлака, кўчириш сиёсати, мафкура, аҳоли, метрополия, аҳоли пунктлари, эксплуатация, стратегия, мақсадлар, автократия, туб халқлар, мустамлака ҳукмронлик.

Одним из фундаментальных направлений новой истории Узбекистана является объективное освещение переломного исторического периода, связанного с завоеванием и господством царской России в Средней Азии, системное изучение многоаспектного воздействия колониального режима на общественный строй и жизненный уклад народов края.

Сегодня очевидно, что до обретения Узбекистаном независимости именно данный период оказался предельно искажен. В официальной исторической науке колониального прошлого господствовала концепция об исключительной «цивилизаторской миссии» державной России, суть которой сводилась к тому, что насильственное удержание нашего края в составе царской, а затем советской империи имело долгосрочные позитивные последствия, окупавшие все издержки колонизации.

Историографический анализ убеждает, что по отдельным направлениям изучаемой темы к настоящему времени уже накоплена определенная литература. Исходя из содержания концептуально-методологических подходов, ее можно разделить на следующие группы: 1) публикации периода царской колонизации Средней Азии; 2) работы советского времени; 3) исследования, проведенные после обретения Узбекистаном независимости; 4) труды зарубежных авторов.

Отличительной чертой исследований первой группы выступает ярко выраженная апологетика царского режима. Представляя российскую колониальную историографию, они в своей основе опирались на идеологию территориальной экспансии имперской России, были написаны преимущественно по заказу царской администрации и служили обоснованию правомерности мер по утверждению самодержавного строя в среднеазиатском регионе. Тем не менее, в них содержался ценный фактический материал, в том числе частично по переселенческой политике царизма, объективно содействующий наращиванию исторических знаний.

Обращаясь к характеристике исторической литературы царского времени, следует отметить, что на первом этапе, охватившем 60-80-е годы XIX в., как правило, отсутствовали работы, непосредственно посвященные вопросам переселенческой политики. В тот период приоритетное внимание сосредотачивалось на «научной» аргументации российского владычества в регионе, закладывалась идеологическая схема цивилизаторской миссии царской России в «присоединенной» Средней Азии¹.

Это направление сохранилось и в последующем. Примером тому может служить трехтомный труд М.А. Терентьева, нацеленный исключительно на то, чтобы убедить широкие массы, будто бы царизм принес в Среднюю Азию «цивилизацию»². Вместе с тем уже с конца XIX в. стали появляться исследования, в которых в рамках официальной историографии делалась попытка проанализировать сюжеты переселенческого движения из России³. Особенно возросло количество публикаций, связанных с вопросами переселенческой политики, в начале XX в.⁴, когда в процессе аграрной реформы в России «крестьянская колонизация» приобрела масштабный характер.

Авторы тех лет, преимущественно государственные чиновники, не ставили своей целью научного изучения истории переселенческого движения. В большинстве из них фактический материал превалировал над его теоретическим осмыслением. В концептуальном плане основные их усилия были направлены на обоснование необходимости увеличения среди

¹ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868; Костенко А.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. – СПб., Б.и. 1891; Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России // Записки Русского Географического общества. Отдел статистики. – Т. IV. – СПб., 1874; Миддендорф А. Очерки Ферганской долины – СПб., 1882; Он же. Фергана. – СПб., 1898; Верещагин В.В. Очерки, наброски, воспоминания. – СПб., 1883; Гирс Ф.К. Отчет о состоянии Туркестанского края. – СПб., 1883; Кауфман К.П. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 гг. – СПб., 1885; Мушкетов И.В. Туркестан. Т. I. – СПб., 1886; Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886; Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы (Общий очерк). – Т., 1890; Южаков Ю.Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашим Туркестанским краем. – СПб., 1891 и др.

² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб., 1906.

³ Исаев А.А. Переселение в Русском народном хозяйстве. – СПб., 1891; Гейер И. Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области. – Т., 1892; Григорьев В. Крестьянская колонизация. // Русская мысль. – 1893. - № 2. – С. 11-12 и др.

⁴ Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. – СПб., 1903; Он же. Переселение и колонизация. – СПб., 1905; Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905; Скрыплев П.А. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестане. – Т., 1909; Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К.Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. – СПб., 1910; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. – СПб., 1910; Гаврилов Н.А. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области: Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская). Чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. – СПб., 1911; Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. – Киев, 1912; Кривошеин А.В. Записки главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край. Полтава 1912; Вошинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени колонизации. – СПб., 1914; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. – Пг., 1916 и др.

населения Туркестана удельного веса российских переселенцев, приверженцев христианской веры, которые могли бы, пользуясь солидными кредитами, крупными земельными наделами, поддержкой колониальных властей демонстрировать свое превосходство перед местным населением и быть опорой царского режима. Причем, как правящие верхи империи, так и исследователи умалчивали о том, что основную массу переселенцев из России, особенно на первых этапах, составляли бывшие дворовые, не имевшие никаких средств и навыков труда на орошаемых землях, а также о том, что переселенческие поселки и казачьи станицы создавались на землях, насильственно изъятых у коренного населения.

Характерно и другое: отражение во многих российских публикациях стремления царской администрации, вопреки усиливающейся эксплуатации коренного населения, представить колониальный Туркестан в качестве «убыточного». Так, сенатор Ф.К. Гирс, ревизовавший край в 1882 г., писал, что царизм в период 1868-1881 гг. израсходовал здесь более 10 млн. рублей и «большая часть этих денег уплачена не туземцами, а русскими (имеются в виду русские налогоплательщики метрополии), а вместе с тем эта сумма, несомненно, увеличила благосостояние туземных жителей Туркестана»⁵.

Подобная фальсификация последствий колонизации края предпринималась и в последующем. Между тем анализ официальных документов правительства Российской империи, колониальных властей Туркестана по управлению краем и по переселенческому вопросу показывает, что завоевание региона было осуществлено в целях расширения геостратегических позиций империи и эксплуатации богатейших материальных, природных и трудовых его ресурсов. Переселение же части населения метрополии призвано было служить достижению данных целей. Именно в том состояла суть

предложений, содержащихся в отчетах комиссии Ф.К. Гирса, особой комиссии графа Н.П. Игнатьева, академика А.Ф. Миддендорфа, комиссии К.К. Палена и многих других высокопоставленных чиновников империи, а также генерал-губернаторов Туркестана.

Во многом пороки историографии царского колониального периода впитала в себя и советская историческая наука. В их числе официальная заданность конечных выводов и оценок, тенденциозность, традиции имперского мышления. При этом они умножались насильственной практикой тоталитарного режима, определившего крайнюю политизацию истории, подгонку ее под идеологические схемы коммунистического учения, примат классово-партийного подхода. В результате, историческая мысль развивалась на сугубо деформированной основе. Сегодня теоретические выводы и обобщения советского времени нуждаются в кардинальном переосмыслении.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что процессы политизации исторической науки и извращения правды истории прошли ряд этапов. В этом отношении выделяется начальный этап, охвативший 20-е годы. Его особенностью выступало то, что советская историческая наука тогда еще только зарождалась, центристские и монопартийные установки не превалировали в

⁵ Гирс Ф.К. Отчет о состоянии Туркестанского края... С. 306-307.

общественно-политической мысли и потому проявился определенный мировоззренческий плюрализм, в том числе в аспекте переселенческой политики царизма и ее последствий⁶.

В частности, С. Муравейский, П.Г. Галузо и Е. Федоров, рассматривая вопросы колониального угнетения коренного населения, отмечали, что одной из форм колонизации края выступала политика переселения. В.П. Вошинин частично проследил процессы захвата переселенцами земель местного дехканства и кочевого населения. В. Лаврентьев фрагментарно показал влияние переселенческого движения на «буржуазную эволюцию» туркестанской экономики. Но в целом их выводы сводились к тому, чтобы обосновать «объективные» предпосылки октябрьского переворота, документально подтвердить складывающуюся тогда концепцию об «органическом единстве» пролетарского и национально-освободительного движения в борьбе «большевиков за утверждение социалистического строя».

Гораздо полнее вопросы колонизации Туркестана, социально-экономического и национального гнета в отношении местного населения, тяжких последствий практики массового переселения из России были раскрыты в работах Т. Рыскулова и особенно Г. Сафарова. Так, Г. Сафаров весьма критически охарактеризовал великодержавно-шовинистическое отношение колониальных властей и российских переселенцев к коренному населению, обоснованно указал на автономность национально-освободительного движения в крае.

Однако уже с начала 30-х годов заметно усилилось идеологическое наступление на «историческом фронте». На официальном уровне была провозглашена «настойчивая необходимость» развертывания решительной борьбы с «антиленинскими концепциями», за «идейный рост местной историографии»⁷. В частности, в попытке «подменить ленинизм троцкизмом» был обвинен Г. Сафаров. В вину ему было поставлено то, что он отрицал закономерность «Октябрьской революции», «отрывал национально-колониальный вопрос от общего вопроса о диктатуре пролетариата».

23 мая 1934 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) по указанию Центра приняло специальное постановление, которое предусматривало устранение из среднеазиатской историографии и недопущение впредь положений о российской вооруженной экспансии, а также каких-либо негативных оценок российского господства в Туркестанском и Степном крае, отношений империи с Бухарским и Хивинским ханством.

Курс на внедрение жестких идеологических установок еще более усилился во второй половине

⁶ Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). – М., 1921; Муравейский С. Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане. – Т., 1922; Вошинин В.П. О термине «колонизация». // О земле. – Пгр., 1922. – Вып II; Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. – Т., 1925; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана: Сборник главнейших статей, докладов и речей. – Ч.1. 1917-1919 гг. – Ташкент, 1926; Галузо П.Г. Туркестан – колония. – М., 1926; Он же. Вооружение русских переселенцев // Коммунистическая мысль. – 1926; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии. – Л., 1930 и др.

⁷ См.: Троцкистско-колониаторская концепция истории российского господства в Средней Азии. // Революция в Средней Азии. Сборник 3. – Т., 1932; Гуревич А.О. О положении на историческом фронте Средней Азии. // Революция и культура в Средней Азии. – Т., 1934.

30-х годов. В результате с утверждением сталинского репрессивно-тоталитарного режима историческая наука утратила свои исконные функции, а историческая мысль обескровлена. Гнетущая обстановка всеохватного насилия, сопровождаемая введением режима секретного допуска к архивным источникам и иной информации, пагубно сказалась не только на качестве, но и количестве научных исследований. По существу в исторической литературе обозначился провал.

Со второй половины 30-х до начала 50-х годов в основном издавались немногочисленные статьи и брошюры заказного характера⁸. Так, касаясь непосредственно рассматриваемой в предлагаемой проблемы можно назвать лишь объемно небольшую статью Т. Шаровой⁹, в которой главный акцент делался на обосновании тезиса о крепнущем «классовом единстве пролетарских слоев» переселенческого населения и местного «трудового дехканства». Аналогичные концептуально-идеологические мотивы присутствовали и в других публикациях тех лет, где в совокупности с другими вопросами косвенно рассматривались и сюжеты, связанные с переселенческим движением.

Определенные изменения в историографии проблемы обозначились с середины 50-х годов. Они были вызваны общими переменами в политической жизни бывшего советского государства. После известных постановлений, направленных на развенчание культа Сталина, был приоткрыт доступ к архивам, созданы более благоприятные условия для научной деятельности. В результате расширилась тематика исследований, обогатилась их документальная база.

На новом историческом этапе, продолжавшемся до конца 80-х годов, вышла значительная масса публикаций, в той или иной степени имеющих отношение к исследуемой теме. Среди них следует, прежде всего, выделить фундаментальные академические труды¹⁰ и крупные монографии, в которых с позиций марксистской методологии анализировались ключевые направления истории царской колонизации Туркестана и Центральной Азии в целом¹¹. Но в них

⁸ Житов К.Е., Непомнин В.Я. От колониального рабства к социализму. – Т., 1939; Бунаков Е.Е. Развитие капитализма в Узбекистане. – Т., 1946; Житов К.Е. Краткий очерк истории Узбекской ССР. – Т., 1947 и др.

⁹ Шарова П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906-1916 гг. // Историк-марксист. – № 6. - 1940.

¹⁰ История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 2. – Т., 1956; История Узбекской ССР. Т. II. – Т., 1968; История Туркменской ССР. Т. II. – Ашхабад, 1957; История Киргизии. Т. II. – Фрунзе, 1963; История Киргизской ССР. Т. II. – Фрунзе, 1984; История Казахской ССР. – Алма-Ата, 1957; История Казахской ССР. – Алма-Ата, 1978; Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. I. – Т., 1964 и др.

¹¹ Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907-1917 гг. – Алма-Ата, 1957; Фомченко А.П. Русские поселения в Бухарском эмирате. – Т., 1958; Он же. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX вв. (Социально-экономический аспект). – Т., 1983; Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). – Т., 1959; Бендриков К.Е. Очерки истории народного образования в Туркестане (1865-1924 годы). – М., 1960; Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. – Алма-Ата, 1965; Верещагин П.А. Переселенческая политика царизма в Сырдарьинской области Туркестанского края. – М., 1966; Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. – Т., 1966; Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-е годы). – Т., 1969; Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.). – Т., 1969; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. – Ашхабад, 1972; Канода Н.Н. Переселенческие

разнообразные аспекты переселенческого движения из метрополии в Туркестан и Степной край раскрывались частично и главным образом сквозь призму «прогрессивных последствий» «присоединения» центральноазиатского региона к Российской империи. Ведь в советской историографии с начала 50-х годов XX в. зародилась и последовательно укреплялась методологическая тенденция приглушения завоевательных аспектов царизма в Центральной Азии. Даже термин «завоевание» был подменен понятием «присоединение». Находясь под бдительным идеологическим контролем, политическим давлением центра и партийных структур, исследователи принуждены были затушевывать жесткость царского режима, умалчивать значение борьбы народов региона за свободу и независимость, искусственно обосновывать концептуальный вывод о том, что только под эгидой имперской России они смогли выйти на «передовые рубежи исторического прогресса». Вследствие этого объективно не была раскрыта природа колониальной политики царизма, не показана роль переселенческого движения в колонизации края.

Решительные перемены в характере и методологии научного познания определились в Узбекистане только после обретения независимости. С провозглашением государственного суверенитета были разрушены искусственно созданные препоны на пути изучения отечественной истории. Освободившись от идеологического прессинга прежнего режима, исследователи получили свободу творчества. В результате развернулись динамичные процессы очищения исторического сознания, восстановления объективной картины колониального прошлого.

За годы независимости в республике появилось немало интересных научных трудов, в которых с качественно новых теоретико-методологических позиций, в русле национальной идеологии и общемировых принципов научного познания переосмысливаются узловые сюжеты царской колонизации Средней Азии и Казахстана.

Особенно заметный вклад в формирование новых представлений о характере завоевания Туркестана и содержании колониальной политики царского самодержавия внесли Г.А.Хидояттов, Г.А.Ахмеджанов, Ф.Б.Исхаков, Х.З.Зияев, Н.А.Абдурахимова, Н.У.Мусаев, Д.Х.Зияева и др.¹² Так, в обстоятельной монографии Г.А. Ахмеджанова описываются процессы становления и развития новейшей центральноазиатской историографии по вопросам насильственного включения Средней Азии в состав Российской империи и колонизации Туркестана. В ней осуществлена удачная попытка творческого переосмысления и сопоставления

поселки в Закаспийской области (конец XIX – начало XX вв.). – Ашхабад, 1973; Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). – Т., 1986 и др.

¹² Хидояттов Г.А. Национальный вопрос в СССР. – Т., 1991; Ахмеджанов Г.А. Российская империя в Центральной Азии (История и историография колониальной политики царизма в Туркестане). – Т., 1995; Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867-1917 гг.). – Т., 1997; Зияев Х. Туркистонда Россия тажовузи ва кукмронлигига ёрши кураш (XVIII – XX аср бошлари). – Т., 1998; Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. – Т., 1999; Мусаев Н.У. Формирование и развитие промышленного производства Туркестане (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. – Т., 1999; Зияева Д.Х. Туркистон миллий озодлик қаракати. – Т., 2000 и др.

различных подходов и точек зрения к завоеванию и установлению колониального господства царизма в крае.

Логическим продолжением исследования Г.А. Ахмеджанова стали работы Д.Х. Зияевой, в которых впервые в отечественной историографии детально анализируется история пополнения научных знаний о борьбе народов Туркестана против колониального ига в начале XX в. с выявлением дискуссионных и малоизученных аспектов проблемы как в отечественной, так и зарубежной исторической литературе.

В сводном труде Х. Зияева на базе привлечения центральноазиатских и российских источников в общеисторическом плане подробно освещены трагические страницы установления имперского владычества царизма над среднеазиатскими ханствами, а также вопросы национально-освободительного движения народов Туркестана до 1916 года.

В монографии Н. Абдурахимовой и Г. Рустамовой охарактеризованы сущность, базисные черты и особенности колониальной системы власти в Туркестанском генерал-губернаторстве. Н.У. Мусаев вскрыл колониальную направленность процессов формирования промышленного производства в крае в условиях царского самодержавия. Ф.Б. Исхаков показал негативное воздействие национальной политики царизма на жизнь подневольных народов Туркестана, в том числе, сквозь призму ее преломления – переселенческую политику. Г.А. Хидоятов проследил долгосрочные последствия этой политики и ее преемственность советским режимом. Весомый вклад в обогащение научных знаний о колониальном прошлом нашего края внесли первая книга трехтомной «Новой истории Узбекистана»¹³, обобщающая монография «Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости» и «Уроки истории и свидетельство»¹⁴.

Расширению представлений о колониальной практике царизма содействовали также диссертационные исследования Н.А. Абдурахимовой, Р.А. Юлдашева, А.М. Худойкуловой, Х.Ш. Авазовой, А. Суюновой, З.У. Чариева, Г.К. Рустамовой, А.Э. Курахмедова, Т.В. Котюковой, Н.Ю.

¹³ Ёзбекистоннинг янги тарихи. 1-китоб (Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида). – Т., 2000.

¹⁴ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Т.: Шарк, 2000. Тарих шохидлиги ва сабоълари: Чоризм ва совет мустамлакачилиги даврида Ёзбекистон миллий бойликларининг ўзлаштирилиши. – Т., «Шарль», 2001.

Потаповой, Ж.Х. Исмаиловой¹⁵.

Предпринятый в реферируемой историографический анализ указанной исторической литературы независимого Узбекистана убеждает, что в ней нашли отражение отдельные сюжеты, связанные с переселенческой политикой царизма и ее влиянием на социально-экономическое положение коренного населения края. Но целостная картина отсутствует. Попытки ее нарисовать предпринял российский исследователь А.И. Гинзбург¹⁶. К сожалению, он не смог преодолеть стереотипы имперского мышления и потому в его исследовании концептуальный акцент сделан на обосновании «прогрессивных» последствий переселенческой практики царизма.

Заметное негативное воздействие на состояние советской исторической науки оказала ее оторванность от мировой исторической мысли. В условиях тоталитарного прошлого, как известно, работы исследователей свободного мира были объединены под общим понятием «буржуазная историография», которая якобы фальсифицировала историческую действительность. Зарубежная литература подвергалась огульной критике и была практически недоступна отечественным исследователям. Между тем зарубежная историческая наука накопила богатый опыт системного анализа процессов, связанных с экспансией царской России в Центральную Азию и колонизацией Туркестана. Зарубежные ученые давали собственную трактовку проблем, оставшихся неосвещенными в официальной историографии царского и особенно советского времени. Хотя нельзя не отметить, что не все исследования зарубежных авторов однозначны в своих концептуальных подходах. Для них характерна широкая амплитуда мнений и позиций, порой альтернативных друг другу.

Изучение зарубежных историографических источников показывает, что на этапе становления зарубежной историографии по данному направлению исторической мысли основной акцент делался на объяснении мотивов продвижения России в центральноазиатский регион. В

¹⁵ Абдурахимова Н.А. Колониальная система власти в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс.... докт. ист. наук.– Т., 1994; Юлдашев Р.А. Формирование национальной буржуазии в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Т., 1994; Худайкулов А.М. К просветительской деятельности джадидов Туркестана (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Т., 1995; Авазова Х.Ш. Развитие банков и фирм в Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Т., 1997; Суюнова А. Национально-освободительная борьба 1916 года в Туркестане (на примере Сырдарьинской области): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Т., 1997; Чариев З.У. Усиление колониальной политики в Туркестане в начале XX века (на примере мобилизации на тыловые работы): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Т., 1999; Рустамова Г.К. Колониальная сущность царской и большевистской власти в Туркестане (1867-1924 гг.). Автореф. дисс....канд. ист. наук.–Т.,1999; Курахмедов А.Э. Экономическая и культурная жизнь Самаркандской области второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам «Туркестанского сборника»): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Т., 2001; Котюков Т.В. Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах власти Российской империи (1905-1917 гг.) Автореф. дисс.... канд. ист. наук.–Т.,2001; Потапова Н.Ю. История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX-начало XX вв). Автореф. дисс.... канд. ист. наук.–Т.,2002; Исмаилова Ж.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX века.(на примере восстания 1916 года в Ферганской долине): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Т., 2002.

¹⁶ Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. – М., 1991.

частности, в опубликованной в Лондоне в 1899 г. книге Ф. Скрайна и Э. Росса «В сердце Азии»¹⁷ в качестве определяющего фактора называлось русско-английское противоборство.

В последующем возрастающее внимание стало уделяться концептуальной оценке политики царского самодержавия в крае и ее воздействие на судьбы местных народов. Причем, после установления коммунистического строя зарубежные историки вступили в полемику с советской историографией по вопросу классовой интерпретации истории завоевания Средней Азии и колонизации Туркестана. Они обоснованно обвиняли советскую историческую науку в тенденциозности, конъюнктурщине, предельной идеологизации рассматриваемых явлений. При этом одним из главных тезисов явилось справедливое утверждение о том, что положение коренного населения края было предельно угнетенным как в годы царской колонизации, так и при советском строе.

Существенный вклад в становление и развитие этого направления зарубежной историографии внесли политические эмигранты из Центральной Азии и «мусульманских» регионов России. В их числе Мустафа Чокай оглы, Баймирза Хаит, Заки Валиди Тоган и др.¹⁸ К примеру, Мустафа Чокай, эмигрировавший во Францию, в своей книге «Туркестан под властью Советов» одним из первых обосновал концепцию «чуждости» национальной политики имперской России народам Центральной Азии. Опираясь на документальные источники, он подверг обоснованной критике колониальную практику царизма и советского режима, отметив в качестве ее составной части фактор массового переселения избыточного населения из метрополии.

Дальнейшую разработку данная концептуальная линия нашла в серии монографий Б. Хаита. В частности, в «Краткой истории Туркестана» и в опубликованном в 1956 г. фундаментальном труде «Туркестан в XX столетии» он убедительно показал, что в Средней Азии как при царском, так и коммунистическом строе целеустремленно осуществлялась национальная дискриминация.

Заметно ширился поток публикаций представителей французской, немецкой, английской, американской, турецкой и иных исторических школ зарубежной историографии, в которых весьма критически освещались многие аспекты российского колониального господства в Туркестане и региона в целом¹⁹. Так, У. Коллраз и М. Фицрой в своих работах особо подчеркивали подчиненность практики увеличения русскоязычного населения в крае военно-

¹⁷ Skrihne F., Ross E. The Hearst of Asia. – London, 1899.

¹⁸ Чокай М. Туркестан под властью Советов. – Париж, 1935; Hayit B. Turkestan zwishen Russland und China. Amsterdam, 1971; Шу муаллиф. Turkestan im XX Jahrhundert. – Darmstadt, 1956; Z.V. Togan. Hatiralar. – Istanbul, 1969 и др.

¹⁹ Portel R. Formation de l'Union Sovietique et le probleme nationale. // «Revue historogue». Oct.-dec., 1956; Wheeler V. Recent Developments in Soviet Central Asia. // The Geographical Journal. – 1957. - June; H. C. d'Encauce. Retorme et'revolution cher les musulmans de j'empire pusse. Paris, 1966; Becker S. Russin's protectorates in Central Asia, Bukhara and Khiva, 1865-1924. – Cambridge, 1968; P. Conguest. Soviet nationalities in practice. – London, 1967; Roes R. Reflections on the nationality problems in the Soviet Union. // Ethnicity: Theory and experience. – Cambridge, 1975; Bennigsen A., Wimbush S. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary strategy for the Colonial World. – Chicago - London, 1979; Rywkin M. Moscows Moslim Challenge: Soviet Central Asia. - New-York, 1982.

политическим целям царской России. В свою очередь, Р. Портель писал, что советская власть в новых формах и новыми методами осуществляет политику в отношении коренного населения региона, которую раньше проводили царские колонизаторы. С. Беккер, характеризуя последствия колониальной политики царизма, указывал, что лишение коренного населения принадлежавших ему земель, грубое вмешательство в его национально-духовную жизнь, политика русоцентризма вызывали латентное сопротивление местных народов. Э. Карре д'Энкос отмечала, что в период советской власти наряду с Туркестаном на положении колоний были Бухара и Хива.

Таким образом, изучение научных исследований, так или иначе связанных с переселенческим движением в Туркестан, позволяет заключить, что представители различных историографических направлений в разное время и с альтернативных методологических позиций затрагивали тему переселения из России части населения. В целом к настоящему моменту проделана уже немалая научно-поисковая работа, введен в научный оборот внушительный массив документальных материалов. Вместе с тем обширный круг вопросов практически еще не рассматривался. А главное, несмотря на заметное оживление отечественной исторической науки, определившееся после обретения Узбекистаном политического суверенитета, ключевые аспекты переселенческой политики во всей гамме ее сложных проявлений еще не оценивались с точки зрения идеологии национальной независимости.